

С. А. СОЗИНА

ВЕЛИКИЙ ИНДЕЙСКИЙ ПОВСТАНЕЦ ТУПАК АМАРУ

На необозримых просторах раскинулись обширные колониальные владения Испании XVIII в. — вице-королевства Новая Испания, Новая Гранада, Рио-де-Ла-Плата и самое «золотоносное» — Перу. В нем сотни тысяч индейцев, полурабов-полукрепостных, влачащих голодное существование, нещадно эксплуатируемых феодальной деспотией испанских Бурбонов.

Приближались 80-е годы, шел к концу колониальный период. Вице-королевство Перу напоминало пороховую бочку. В городах и индейских селениях вспыхивали стихийные бунты и вооруженные мятежи. 14 провинций из 50 были охвачены волнениями. причем в трех из них были убиты королевские чиновники¹. Между тем метрополия, которая вела длительные войны с Англией и Францией, была на грани экономического разорения и, требуя новых поступлений, все туже затягивала петлю на своих американских колониях.

Испанская монархия прибегла к одной из чрезвычайных мер. 11 марта 1776 г. Карл III назначил генеральным визитадором (инспектором) вице-королевства Перу, провинций Чили и Ла-Платы Хосе Антонио де Арече. Так в Лиме появился человек, наделенный исключительными полномочиями. Первым делом он пересмотрел все податные списки и отдал приказ обложить налогом не только индейцев, но и всех людей смешанной крови — мулатов, метисов, самбо. Был увеличен до 12⁰/₀ налог на вино. Ненавистная алькабала — торговая пошлина, которая взималась при совершении любой, даже копеечной сделки, была поднята с 4 до 6⁰/₀ и распространена на индейцев; вводилась также таможенная пошлина.

Массовые протесты не заставили себя ждать. Первыми с кличем «Смерть таможенникам!» восстали Кито и Кочабамба. 14 января 1780 г. жители Арекипы ворвались в таможню и уничтожили все документы. «Заговорили» стены соборов и домов перуанских городов, на них запестрели «поджигательские листки». Вот что было написано в настенной афише, появившейся 8 марта 1780 г. в г. Паско:

«Проклятый Арече!
Приходи сам собирать налоги.
Вот соль, чтобы засолить и сварить тебя!
Вот уголь, чтобы поджарить тебя...
Только тогда мы обречем покой.
Кровавый зверь всего королевства,
Сам дьявол ждет тебя в аду.
Ты — враг короны,
Разорение Карла Третьего!»

В марте 1780 г. по доносу сельского священника в г. Куско властями был раскрыт тщательно готовившийся план восстания. В нем должны были участвовать 60 окрестных индейских селений, 400 жителей без различия цвета кожи ждали приказа взяться

¹ L. E. Fisher. The Last Inca Revolt, 1780—1783. Norman, 1966, p. 20.

за оружие. Среди вдохновителей заговора были креолы, метисы и индейские вожди. Их лозунгом было «К оружию! Лучше умереть убивая, чем жить страдая!»². На допросе один из руководителей заговора, касик Бернардо Тамбоуаксо, сказал: «Для дела, которое мы задумали, нужно было сердце большее, чем главная площадь в Куско».

17 ноября 1780 г. палачи четвертовали отважного касика. Но в это же время другой человек, вместивший в себя боль и страдания всего индейского народа, бросил дерзкий вызов испанской тирании. То был индейский вождь Хосе Габриэль Кондорканки.

Часть первая

КЛИЧ В ТИНТЕ

В лице его было что-то величественное; суровое от природы, оно редко освещалось улыбкой. Казалось, душа его постоянно пребывала в самосозерцании... вечно занятая великими помыслами».

Анонимный хронист XVIII в.

Ясным безветренным утром 10 ноября 1780 г. главная площадь селения Тунгасука в провинции Тинта, южнее г. Куско, гудела сотнями голосов. Со всех сторон сюда съезжали метисы, окрестные индейцы и местные креолы. Прокатился слух, будто на побережье объявились пираты и сам королевский коррехидор дон Антонио де Арриага велел собирать людей для отпора морским разбойникам. Между тем на площади соорудили помост, на нем виселицу, словно собирались казнить государственного преступника. Вскоре показалась процессия. Впереди ее следовал глашатай и громким голосом, то на языке кечуа, то на испанском, выкрикивал: «Король, наш господин, повелел лишить жизни этого человека как мятежника»³. Гул удивления пронесся над толпой: в «мятежнике», который, путаясь в саване и пугливо озираясь по сторонам, взбирался на эшафот, все узнали грозу и хозяина этих мест — ненавистного доша Антонио де Арриагу. Индейский касик Хосе Габриэль Кондорканки от имени короля приказал казнить корыстолюбивого чиновника за насилие, невыносимые поборы и жестокость, с которой тот обращался с индейцами. Негр Антонио Облитас, бывший раб осужденного, привел приговор в исполнение. Кондорканки обратился к собравшимся: «Братья мои! Властью, дарованной мне королем Карлом III, я воздаю справедливую кару коррехидорам и всем «чапетонес»⁴, которые тиранят наш народ. Положим же конец нашим страданиям. Я объявляю ныне всем, что уничтожу проклятую миту, репарто, алькабалу и все другие поборы. Братья! Креолы, метисы и индейцы, присоединяйтесь ко мне, слушайте мои приказы и не жалейте своих голов, если потребует того наше святое дело!».

Среди собравшихся лишь немногие, самые близкие, знали: этот неслыханно дерзкий акт индейский вождь совершил исключительно собственной волей. Как утверждают исторические документы, за неделю до этих событий коррехидор провинции Тинта Антонио де Арриага отмечал в доме священника Карлоса Родригеса день св. Карлоса. Задолго до окончания ужина Кондорканки, сославшись на неотложные дела, покинул дом священника. Возвращаясь домой, коррехидор, разомлевший от обильной трапезы, услышал шорох в кустах, но не придал ему значения. И напрасно. Ловко брошенная петля обвилась вокруг его шеи, и вскоре он уже барахтался на земле. К ночи коррехидор и следовавшие за ним слуги были скрытно доставлены и надежно спрятаны в доме Кондорканки в селении Тунгасука. Вся «операция» была произведена столь молниеносно, что о местонахождении чиновника никто не догадывался.

Последовавшие затем события подтверждают, что у Хосе Габриэля имелся тщательно разработанный и продуманный план действий. Под давлением Кондорканки Арриа-

² B. L e w i n. Los movimientos de emancipación en Hispanoamérica y la independencia de Estados Unidos. Buenos Aires, 1952, p. 146.

³ D. V a l c á r c e l. La rebelión de Túpac Amaru. México — Buenos Aires, 1947, p. 45.

⁴ «Чапетонес» — презрительная кличка испанцев.

га подписывает несколько важных документов, среди них письмо казначею в Тинте, чтобы тот немедленно доставил в Тунгасуку всю казну и наличное оружие. Документ возымел немедленное действие: индейский вождь, остро нуждавшийся и в том и в другом, получил 22 тыс. песо, много золота в слитках, 75 мушкетов, лошадей и мулов⁵. В следующем письме Арриага приказал доставить ему постель, две пары ножных кандалов (они предназначались для него самого) и, самое важное, ключи от всех общественных зданий в Тинте. С помощью таких же писем Кондорканки заманил к себе ближайших помощников коррехидора — казначея, секретаря, оружейных дел мастера — и предложил им перейти на его сторону. Так незаметно, но решительно он стал истинным хозяином всей провинции Тинта.

Кто же был этот человек, дерзнувший открыто бросить столь смелый вызов хозяевам колониального Перу? Его генеалогическое древо уходило корнями в далекое прошлое. Бунтарский дух, любовь к свободе, боль за поруганную родину он унаследовал от своего предка, имя которого было Тупак Амару, что на языке индейцев кечуа значит «Сияющая змея»⁶. Два столетия прошли с тех пор, как в 1572 г. на площади Куско испанцы казнили молодого Тупак Амару, последнего Инку, последнего защитника героической Вилькабамбы, горной крепости, полвека не покорявшейся испанским завоевателям. Оставшаяся в живых малолетняя дочь казненного, ньюста (принцесса) Хуана Пилькоуако продолжила эту ветвь инкской династии. Ее сын — Блас Кондорканки, прадед Хосе Габриэля, женился на креолке Франсиске Торрес. Так в жилах их детей перемешалась индейская и испанская кровь. В 1687 г. его дед Бартоломе был официально признан прямым потомком Тупак Амару; в соответствии со знатным происхождением ему было даровано право носить шляпу и кинжал, ездить верхом и держать лошадей. Этими привилегиями, а подчас и унижительными подачками колониальные испанские власти стремились накрепко привязать потомков древней индейской аристократии к административной колеснице, превратив их в послушные инструменты беспощадного колониального механизма, всей своей тяжестью обрушившегося на рядовые индейские массы.

Какие же привилегии были дарованы индейским вождям испанской короны? Индейский правитель и его старшие сыновья были освобождены от уплаты обременительного налога и от всех видов личной службы — на горных разработках, в ткацких мастерских, поместьях. Они получали от своих индейцев ежегодную подать, часто имели в личном услужении, подобно испанцам, индейских слуг и обладали достаточной свободой для злоупотребления своими правами. Многие индейские вожди превратились в эксплуататоров своего народа и интересы испанской короны защищали как свои собственные интересы. Однако были среди них истинные патриоты, сознательно защищавшие права индейских масс. В роду Кондорканки изменников не было, бороться за облегчение участи задавленных колониальным гнетом соплеменников в его семье было традицией, освященной временем.

В 125 км от древнего Куско лежит живописная долина, которую венчают высокие обрывистые горы с вечным снегом на вершинах, по дну ее вьется река Вилькамайю. Здесь в селении Суримана в марте 1740 г. и родился Хосе Габриэль в семье потомственного кураки (вождя) Мигеля Кондорканки. Рано осиротевшего мальчика взяли на попечение два его дяди, которые постарались дать ему хорошее образование. Первым его учителем был местный священник Карлос Родригес, затем в 10-летнем возрасте он был отвезен в Куско в иезуитский колледж Сан-Франсиско де Борха, предназначенный для детей знатных индейцев. Юный Хосе оказался не только примерным, но и весьма любознательным учеником: бегло читал по латыни, свободно изъяснялся по-испански и, как отмечали современники, с особым изяществом на родном языке — кечуа. Некоторые биографы утверждают, что молодой Кондорканки был «доктором обоих прав» (теологии

⁵ B. L e w i n. La insurrección de Túpac Amaru. Buenos Aires, 1963, p. 32.

⁶ M. de O d r i o z o l a. Documentos históricos del Perú en las épocas del coloniaje después de la conquista y de la independencia hasta la presente, t. I. Lima, 1863, p. 1; «Сияющая змея» — тотемное имя. В древнем Перу существовал культ животных. Родовое имя Хосе Габриэля включало название «кондора», величественной птицы, хозяина недоступных андских вершин; династическое — название змеи. В одном из храмов древнего Куско — «Амару канча» — в особом загоне содержались особо почитаемые змеи огромных размеров; обслуживал их специальный штат жрецов.

и права) и окончил университет Сан-Маркос в Лиме ⁷. И хотя документы, подтверждающие это, не найдены, все, знавшие его, заявляли, что Кондорканки был образован и обладал разносторонней культурой, о нем с уважением писали и говорили даже его заклятые враги — королевские чиновники.

Сохранился устный портрет молодого Кондорканки, составленный его современником креолом Пабло Астете: среднего роста, худощавый, с чисто индейской внешностью — орлиный нос, глаза живые и черные, кожа намного светлее, чем у индейцев, но и не такая светлая, как у испанцев. По манерам учтив и любезен; он с достоинством держал себя с властями и внимательно с индейцами. Жил в достатке, а когда отправлялся в дорогу, его всегда сопровождала свита из слуг, а иногда и духовник. Когда же он останавливался в Куско, обычно его костюм состоял из камзола, коротких панталон из черного бархата (они были тогда в моде), шелковых чулок, на коленях и на туфлях золотые застёжки; касторовая испанская шляпа и жакет из золотой парчи — вещи дорогие и доступные лишь титулованной испанской знати, — дополняли его костюм. На плечах — традиционный унку, шерстяной плащ, на котором золотом вышит герб его предков. Волосы длинные, тщательно ухоженные, ниспадавшие на спину ⁸.

Во всем облике этого человека словно перемешались два времени, две эпохи. Нет, он не был «примитивным» индейцем, каким пытались представить его некоторые современники ⁹. Гордившийся принадлежностью к инкской династии, кровно связанный с миром индейских традиций, он тем не менее не замкнулся в нем. Открытый всему новому, что принесла с собой испанская культура, он охотно не только заимствовал ее чисто внешние черты — отсюда подчеркнутое стремление одеваться щегольски и по моде, но и понимал значение образования. Двух своих сыновей он отправил учиться в Куско ¹⁰. Это был пример нового человека, созданного конкистой: метиса не только по крови, но и по культуре.

По тогдашним представлениям Кондорканки был состоятельным человеком: он имел 350 мулов. По долине Вилькамайя проходил знаменитый тракт Лима — Буэнос-Айрес, основной наземный путь южноамериканского континента. Погонным промыслом занимались многие индейские общины провинции Тинта. Кондорканки не был исключением, вот почему испанцы презрительно называли его «погонщиком мулов». Однако благодаря именно этой профессии он много странствовал и воочию наблюдал жизнь различных слоев общества во всех областях Перу, и прежде всего непомерно тяжелое, безысходное положение индейских масс.

В 26 лет он стал куракой — правителем трех родовых наследственных селений. Это событие положило начало новому этапу в его жизни: страстное стремление облегчить участь вверенных его попечению индейцев породило высокое чувство ответственности за их судьбы. Испанское законодательство ограничивало круг полномочий кураки сбором ежегодной подати и рассмотрением мелких тяжб среди индейцев. Молодого вождя такое положение не могло удовлетворить. Он задался целью оздоровить жизнь индейских общин на своих землях. Он не только выплачивал из собственных средств налоги за разорившиеся семьи, поддерживал голодающих, всячески поощрял индейские традиции, в частности ставил во время деревенских праздников инкскую драму «Ольянтай», но и вникал во все хозяйственные нужды, так что вскоре его административный талант был отмечен не только в Куско, но и в далекой Лиме ¹¹.

Но это были лишь первые шаги. Широкую популярность получила его настойчивая деятельность как ходока по индейским жалобам. Кондорканки предпринимает упорные попытки легальными средствами, используя каналы колониальной администрации, добиться отмены наиболее ненавистных колониальных институтов. Индейский вождь с жаром берется за составление петиций и прошений. Язык этих документов не слезлив и не жалостлив. Убийственными фактами, страшными цифрами Кондорканки убеждает колониальные власти в нетерпимом положении индейцев — главного, как он утверждает, богатства Перу. В качестве аргументов Кондорканки приводит соответствующие па-

⁷ J. C o r n e j o B o u r g o n c l e. Túpac Amaru. La Revolución precursora de la emancipación continental. Cuzco, 1963, p. 137.

⁸ Ibid., p. 134.

⁹ D. V a l c á r c e l. Op. cit., p. 26.

¹⁰ Cl. M a r k h a m. Travels in Peru and India. London, 1862, p. 135.

¹¹ Cl. M a r k h a m. A History of Peru. Chicago, 1892, p. 196.

раграфы королевского законодательства, запрещающие принудительный труд индейцев, повторную отправку на рудники, вменявшие в обязанность чиновников заботу о здоровье индейцев и о справедливой оплате их работы. Индейский вождь призывал выполнять королевские постановления и наказывать тех, кто их нарушает.

СКОЛЬКО ХОЗЯЕВ У ПЕРУАНСКОГО ИНДЕЙЦА!

«Индейцы — подлинныя рабы в этих странах, счастливыми почитают себя те, у кого только один хозяин».

Х. Хуан и А. де Ульоа. Секретные известия об Америке. Лондон, 1823.

К каким же законам апеллировал молодой Кондорканки? Как любил повторять великий канцелярист, король-чиновник Филипп II, «в Индиях больше ценились хорошие обычаи, чем хорошие законы». Что касается последних, то испанский король имел в виду так называемые Законы Индий, непрерывно издававшиеся с 1518 по 1700 г. В 1680 г. после длительной работы специально назначенного совета редакторов был обнародован «Свод законов, действующих в Индиях», с трудом уместившийся в девяти книгах. Каких только рекомендаций не содержали они: здесь были и указы хорошо обращаться с индейцами, оплачивать их работу и допускать к исполнению административных должностей, не разлучать индейских женщин с детьми и мужьями, строго наказывать тех, кто заставляет индейцев работать как рабов, и великое множество других. Этими законодательными актами испанская корона пыталась ограничить произвол местных колонизаторов. Немалую роль при этом играло стремление обеспечить себе возможно большую долю колониальных прибылей. Ведь недаром колониальные ресурсы всегда рассматривались в качестве «кальдо гордо» (жирного супа) испанских королей¹².

Но «Законы Индий» ничего не изменили и не могли изменить в жизни американских индейцев. К тому же «вместе с законом иногда прибывала секретная инструкция, запрещающая его исполнение»¹³. Однако законы сеяли иллюзию, что далекий король защищает интересы индейцев, а исполнители его воли на местах в силу личной корысти извращают подлинный смысл законов и препятствуют их претворению в жизнь. Так родился лозунг «Да здравствует добрый король, долой плохих чиновников!», столь характерный для народных антииспанских движений в Перу в XVIII в. и для политического кредо Кондорканки в частности.

Итак, «хорошие законы» не привились на американской земле. Какие же «хорошие обычаи» установились в испанских владениях? Они были отражением феодальной административной и политической системы метрополии. И если финансовый и экономический хаос, административные злоупотребления и коррупция чиновников были характерным явлением для Испании, то в ее заокеанских владениях все эти общественные пороки расцвели особенно буйно.

Подлинными хозяевами, владыками перуанских долин и гор и населявших их индейцев кечуа и аймара были коррехидоры (от испанского «corregir» — исправлять). Институт «индейских коррехидоров» был учрежден в 1565 г. Коррехидору полагалось знать все об индейцах. — Обезжая свои владения, он должен был лично удостовериться, как соблюдаются королевские указы, ежегодно составлять списки налогоплательщиков и направляющихся на личную службу, смотреть за дорогами и мостами, следить, чтобы не отправлялись языческие культы, чтобы индейцы не носили огнестрельного или холодного оружия и слушников примерно наказывать, чтобы в селениях не пили горячительных напитков, мирить поссорившихся супругов и т. д.

Эта мелочная опека, этот пристрастнейший надзор над жизнью индейцев привели к тому, что из фигуры, призванной противостоять колонизаторским устремлениям испанских колонистов, коррехидор сам превратился со временем во всемогущего владыку, обладавшего бесконтрольной и неограниченной властью над индейцами, вверенными его «отеческим заботам». В колониальной жизни Перу XVIII в. не было фигуры более

¹² В. Lewin. Los movimientos..., p. 62.

¹³ Г. Cornejo Bouroncle. Op. cit., p. 29.

одиозной, чем фигура коррехидора (их по числу провинций насчитывалось 50). Даже официальные круги не скрывали своего возмущения их деятельностью. «Торговцы и судьи в одном лице, они по своей необузданной страсти к богатству справедливо могут называться скорее грабителями, чем исправителями»¹⁴, — читаем мы в документе конца XVIII в. Ведь недаром казнь королевского коррехидора Антонио де Арриаги, санкционированная Кондорканки, была воспринята восставшими как акт справедливого и заслуженного возмездия.

Среди средств обогащения, таких, как вымогательство, спекуляция, ростовничество, захват земли и водных источников у индейских общин, прямое воровство (коррехидоры держали у себя один из трех ключей от общественных кладовых, где по временам скапливались запасы на 100 тыс. песо и более и куда они без стеснения запускали руку¹⁵), широко практиковалось «репартиментио», сокращенно «репарто» — принудительная продажа индейцам товаров преимущественно европейского происхождения. Среди насильственно навязываемых товаров фигурировали дорогие ткани (бархат и атлас), бритвенные приборы и шелковые чулки, зеркала и очки, табакерки, карты, перья, бумага и книги, руководства по правилам хорошего тона, экономические словари, духовная литература и светские комедии¹⁶. Все это предназначалось для голодных, разутых, раздетых и неграмотных индейцев! В том случае, если индеец не выплачивал в положенный срок деньги, коррехидор отбирал в залог у него скот, сажал под арест его жену и детей, заколачивал дом, а самого индейца бросал в долговую яму. А если и это не помогало, превращал должника и всех его домохозяев в своих слуг и рабов. В результате коррехидоры удавалось собрать за недолгое свое правление от 60 до 300 тыс. песо; так, установлено, что только в 1746 г. коррехидоры «продали» перуанским индейцам товаров на 10 млн. песо¹⁷.

У коррехидора были и другие пути обогащения. При сборе подушной подати фигурировало два списка. В официальный были включены трудоспособные мужчины от 18 до 55 лет; однако был и другой, тайный список — в него включались все индейцы: от малолетних детей до глубоких стариков, инвалиды, слепцы, умалишенные и беглые; индейская община под страхом телесных наказаний расплачивалась за всех и, случалось, не единожды. Поступления по тайному списку (*padroncillo*) исчезали в бездонных карманах коррехидоров¹⁸.

Но и этим не ограничивались страдания индейцев. Не меньшее возмущение вызывал другой колониальный институт — система принудительного труда в помещичьих усадьбах, на печально знаменитых серебряных рудниках Потоси, Уанкавелика и в так называемых «обрахес» — ткацких мастерских, где царили самые бесчеловечные условия труда. В «обрахес» индейцы сгонялись насильно, при этом нередко их привязывали за волосы к хвостам лошадей. «Чтобы составить верное представление о том, что такое «обрахес», — писали испанцы Хорхе Хуан и Антонио де Ульоа, побывавшие в Перу в 30—40-х годах XVIII в., — их нужно сравнить с галерой, которая находится в вечном плавании и, почти не двигаясь, все удаляется от берега, так что, кажется, никогда не достигнет его, хотя люди работают без остановки, чтобы получить право на маленькую передышку... Жены и старые матери оплакивают своих мужей и сыновей, осужденных на эту пытку, как если бы они были уже мертвы»¹⁹.

Но самой ненавистной была мита — коллективная трудовая повинность индейцев, прежде всего на разработках драгоценных металлов. Согласно закону одна седьмая часть податных индейцев раз в семь лет должна была отработать 18 недель в году на руднике, после чего им разрешалось вернуться домой, причем запрещалось вывозить индейцев далее 150 км от их селений. Однако закон оставался на бумаге. Так, в 1777 г. 30 тыс. индейцев со всех концов Перу были согнаны на шахты Потоси, многим из них пришлось пройти путь в полторы тысячи километров, на что ушло два месяца. Только один «митайо» из пяти выживал. Каждый год 12 тыс. подневольных рабочих сгонялись

¹⁴ G. L o h m a n n V i l l e n a. El correjidor de Indios en el Perú bajo los Austrias. Madrid, 1957, p. 220, 238.

¹⁵ Ibid., p. 435.

¹⁶ J. C o r n e j o B o u r o n c l e. Op. cit., p. 19; L. E. F i s h e r. Op. cit., p. 12.

¹⁷ R. V a r g a s U g a r t e. Historia del Perú. Virreinato. Lima, 1956, p. 238.

¹⁸ J. J u a n y A. d e U l l o a. Noticias secretas de America. Buenos Aires, 1953, p. 185.

¹⁹ Ibid., p. 215, 217.

только в Потоси (всего жэ в Перу насчитывалось 1400 разработок). Полагают, что в течение колониального периода на перуанских шахтах погибло 8 млн. индейцев²⁰. Для многих представителей колониальной администрации были очевидны чудовищные последствия «серебряного» геноцида. Так, вице-король Перу граф де Альба (XVII в.) требовал уничтожить миту: «Камни и минералы Потоси,— писал он,— пропитаны кровью индейцев, если бы можно было отжать деньги, из них вышло бы больше крови, чем серебра»²¹.

Страдания перуанских индейцев усиливали и злоупотребления приходских священников, этих, по выражению Кондорканки, «корыстолюбцев с длинными руками», которые прибегали к тысяче уловок, чтобы отобрать у индейцев последние крохи. Отсюда понятны слова «для индейцев только воздух и был свободным».

Благородной задаче — избавлению соотечественников от рабской участи и посвятил Хосе Габриэль Кондорканки свою недолгую, но насыщенную подлинным подвижничеством, необычайно напряженную жизнь. Не добившись ничего, кроме туманных обещаний, в Куско, он решает добиваться правды в далекой Лиме. Уж там-то, полагал индейский вождь, должны были знать цену королевским законам.

В 1776 г. он отправляется в Лиму, столицу вице-королевства Перу, как полномочный представитель нескольких поселков провинции Тинта, ссудивших его деньгами, чтобы лично вручить вице-королю петицию об освобождении Тинты от поставки людей в Потоси. В 1777—1778 гг. он по несколько месяцев жил в Лиме, ожидая решения дела. Одно из его писем попало генеральному визитадору, всемогущему временщику Арече. Он высокомерно одернул Кондорканки, заявив, что тот не полномочен представлять за всю провинцию, и велел ему вернуться на родину, смиренно ожидая ответа. Такова была первая, но не последняя встреча этих двух людей.

Однако Кондорканки не сдался, а продолжил борьбу. Он обращается за помощью к светским и духовным властям других городов, убеждая их поднять голос в защиту индейцев. И он находит союзников в Арекипе, Куско и Ла-Пасе. Так, губернатор Ла-Паса Вентура Санталисес, известный проиндейскими взглядами, не только поддержал Кондорканки, но и взялся переправить его послания через океан в Испанию, в Совет по делам Индий, надеясь найти там понимание. Как утверждают современники, сам Карл III благосклонно выслушал высокого сановника и пообещал ему содействие. Однако вскоре Вентура, а затем и дядя Кондорканки, Блас Кондорканки, вместе с губернатором ездивший в Испанию, скоропостижно и при странных обстоятельствах скончались. Ходили упорные слухи, что оба они были отравлены.

Усилия Кондорканки в защиту индейцев снискали ему признание и высокий авторитет не только у индейцев, но и среди привилегированной прослойки колониального Перу. Будучи принят во многих аристократических домах и связан узами дружбы с представителями разных социальных слоев — влиятельными испанцами и креолами, епископами Куско и Арекипы, он был в курсе новых идей и веяний, приходивших из далекой Европы.

Революционным настроениям в Перу содействовали передовые гуманистические идеи, борьба против схоластических традиций в науке и образовании, развернувшаяся в Европе. Несмотря на цензуру и запреты церковных властей, в Перу читали вольнодумные сочинения Вольтера, Руссо, «Потерянный рай» Дж. Мильтона, «Философские элементы» Гоббса, «Философскую и политическую историю Индий» Рейналя, в которой он разоблачал бесчеловечность колониального режима и предсказывал приход «черного Спартака». Запрещенные книги изымались главным образом из домов испанцев и креолов. Неграм, мулатам и метисам читать вообще не полагалось. Однако грамотных в Перу насчитывалось явно больше, чем того хотелось бы властям. Так, известен факт, когда житель Кахамарки мулат Амбросио Милькай был наказан 25 ударами палки на главной площади города, «так как раскрылось, что он умеет читать и писать»²². Индейцы были почти поголовно неграмотны, за исключением индейских касиков и их детей, которые получали образование в специальных школах. Хосе Габриэль Кондорканки принадлежал к числу этих немногих избранных. Читал он много и запоем.

²⁰ L. E. Fisher. Op. cit., p. 7—8.

²¹ B. Lewin. La insurrección ..., p. 9.

²² B. Lewin. Los movimientos..., p. 81.

Попытки Кондорканки заставить закон служить индейцам ничего утешительного не дали: и в далекой Лиме, и в близком Куско были одинаково равнодушны к судьбе индейских масс. Тогда он избирает единственный оставшийся путь — вооруженную борьбу. Так начался новый этап в его жизни.

Повсеместное недовольство колониальным режимом, брожение в низах и верхах колониального общества, антииспанские заговоры в городах и восстания в индейских горных селениях, вести об освободительной войне английских колоний в Америке — все заставляло Кондорканки думать, что он не будет одинок. Годы борьбы закалили его веру в свою миссию — освободить индейцев от губительного колониального ярма. Вот почему особое значение Кондорканки придавал тому, чтобы испанские власти официально признали его потомком Туapak Амару и подтвердили его право на титул маркиза Оропеса, дарованный испанской короной в XVI в. представителям инкской династии. Кондорканки хотел говорить от имени всех индейцев. Имя Туapak Амару Второго давало ему такое право. Впоследствии он напишет: «Это вдохновило меня встать на защиту индейцев всеми возможными средствами, чтобы навсегда покончить с тяжелыми притеснениями со стороны коррехидоров и других чиновников»²³.

Казнив коррехидора Арриагу, Туapak Амару бросил вызов колониальному строю. Отступать было некуда. Однако кто уполномочил его говорить и действовать от имени Карла III? Был ли это тактический прием, расчетливая попытка уничтожить на корню возможное сопротивление или индейский вождь действительно верил, что, расправляясь с ненавистными королевскими чиновниками, он тем самым защищает интересы испанской монархии? Во всяком случае, подавляющее большинство свидетелей и очевидцев казни не знали подлинных намерений Туapak Амару и были уверены, что действительно присутствуют при исполнении королевского указа. Так началось самое грандиозное индейское восстание в истории 300-летнего колониального владычества Испании на Американском континенте.

Туapak Амару начинает действовать без промедления. Утром 11 ноября отряды вооруженных им индейцев, метисов и креолов были уже на марше в соседнюю провинцию Киспиканчи, поселок Кикихана, где должна была совершиться публичная казнь над коррехидором Кабрерой. Однако тому удалось скрыться от справедливого возмездия и тайными тропами добраться до Куско. 12 ноября там стало известно, что знаменитый Кондорканки поднял восстание.

Между тем Туapak Амару овладел казной и складами, которые были в ведении бежавшего. В Кикихане Туapak Амару открыл двери тюрьмы и освободил томившихся там заключенных, в том числе и негров, объявив их свободными; он предложил всем вступить в ряды его армии. На обратном пути в селениях Помоканча и Парапикчу он снес до основания здания, где находились ненавистные «обрахес» — ткацкие мастерские. Один из документов эпохи утверждает, что Кондорканки «13 [ноября] пришел к обрахес Помоканча в селении того же имени, которые повелел открыть и в присутствии нескольких касиков из соседних сел, созданных по его приказу, сказал им, что его долг — не только в том, чтобы повесить пять коррехидоров, но и разрушить все обрахес; затем он заставил вытащить из них всю одежду, спросил, не был ли их хозяин чьим-либо должником... и, уплатив все его долги, распределил все оставшееся между индейцами». Всего Туapak Амару собрал там 35 тыс. м шерстяных тканей на 230 тыс. песо²⁴.

Туapak Амару расчетливо использовал фактор неожиданности и внезапности в первые дни восстания. Однако из 6 тыс. добровольцев, пришедших к нему, только три сотни были вооружены мушкетами, остальные же, главным образом индейцы его и соседних владений, — только пиками да пращами. Необходимо было срочно расширить базу восстания. Он с жаром берется за составление обращений и указов, которые адресуются к близким и далеким провинциям и зовут присоединиться к делу, начатому им. Эти страстные революционные воззвания, написанные на тонком полотне, прятались в одежде посланцев Кондорканки и рассылались в самые дальние уголки Перу и Чили. Среди ближайших сподвижников Хосе Габриэля были его сыновья — Иполито и Ма-

²³ M. de Odrizola. Op. cit., p. 127.

²⁴ B. Lewin. La insurrección..., p. 35; L. E. Fisher. Op. cit., p. 95.

риано, сводные братья — Хуан Батиста и Диего Кристоаль и сводная сестра Сесилия, родившиеся от второго брака его отца, а также жена Микаэла Бастидас и ее братья.

Язык этих документов прост и лаконичен. Вот письмо, отправленное 15 ноября 1780 г. двоюродному брату Тупак Амару — дону Бернардо Суакагуа: «Имею приказ свыше уничтожить коррехидоров, о чем сообщаю и тебе, чтобы ты делал то же самое, что и я. Посылаю копию, которая прилагается, обнародуй ее лично в виде приказа во всех селениях, и пусть поставят виселицы для всех несогласных. Прodelав это от имени короля, нашего господина, созови всю провинцию и всех, кто необходим, хватай нынешнего коррехидора и прежнего, поставь их имущество под надежную охрану и присмотр». И, как бы предвzряя недоуменный вопрос, приписка: «Этот приказ не против бога, не против короля, а против плохих законов»²⁵.

Текст самого указа гласил: «Так как король приказал мне принять чрезвычайные меры против разных коррехидоров и их советников на законном основании... назначаю моим заместителем (в провинции Лампа. — С. С) правителя дона Б. Суакагуа; пусть он немедленно с должной осмотрительностью и тайне схватит коррехидора и его помощника, созвав для этой цели солдат и индейцев этой провинции, пусть содержит преступников в самой крепкой тюрьме под стражей, отказывая им в каком-либо общении (с внешним миром. — С. С), пока не будет решено другое дело: сделана тщательная опись всех вещей и бумаг, которые будут найдены, не упустив ни одной, о чем дать мне самый подробный отчет, так как все эти вещи принадлежат королю и справедливым властям, которые правят по справедливости, чтобы возместить таким путем все убытки, от которых до сего дня страдали индейцы и другие люди. Дано в селении Тунгасука»²⁶.

В тот же день он отправил письмо другому своему родственнику — дону Диего Чукигуанка в г. Асангаро, в котором сообщил ему: «Приказом свыше имею задание уничтожить коррехидоров ради общего блага... чтобы впредь не было коррехидоров, чтобы также полностью уничтожить миту в Потоси, алькабалу, адуану и многие другие пагубные обычаи». Призывая дона Диего расправиться с королевским чиновником и повелев ему также поставить виселицы для всех непокорных, будь то испанцы или индейцы, Тупак Амару разъяснял: «Я сочувствую землякам-креолам, которым никогда не собиzался причинить какого-либо зла, чтобы мы жили как братья, соединенные воедино, уничтожая европейцев»²⁷.

Как видно, пытаюсь добиться поддержки восстания, индейский вождь усиленно рекомендовал другим правителям ту самую тактику, которую столь успешно осуществил сам, прибегнув как к моральному давлению (все делается от имени короля), так и к угрозам физической расправы. Это был голос холодного, трезво мыслящего политика. Однако «любимый родственник» Диего Чукигуанка предпочел остаться верным королю и срочно переслал в Куско «поджигательное» письмо.

В городе встревожились. Слишком велики были авторитет и влияние восставшего Тупак Амару в индейских массах и в самом Куско, чтобы недооценить начавшееся движение. В городе, втором по значению после Лимы (в нем в ту пору насчитывалось 26 тыс. жителей), срочно созывается военная хунта, проводится сбор пожертвований в фонд защиты Куско. Под началом коррехидора Кабреры, жаждавшего вернуть себе богатства, реквизированные у него восставшими, роялистская армия в 1500 человек форсированным маршем двинулась на юг, в Тунгасуку. Вечером 17 ноября войска прибыли в небольшой городок Сангарарá в двух днях пути от намеченной цели и расположились лагерем на главной площади перед церковью. Ранним утром они были застигнуты врасплох повстанцами, прекрасно осведомленными о всех передвижениях противника. В начавшейся панике, окруженные со всех сторон, роялисты потеряли большую часть своих людей, остальные забаррикадировались в церкви. Тупак Амару предложил испанскому командованию отпустить креолов и метисов, а также женщин с детьми, укpывшихся под сводами церкви. Однако роялисты обрекли их на смерть в загоревшемся вскоре (от взрыва спрятанного там пороха) каменном мешке. Через шесть часов все было кончено. Захватив богатые трофеи — ружья, пушки, запасы пороха и

²⁵ M. de Odrizola. Op. cit., p. 120.

²⁶ Ibid., p. 120—121.

²⁷ Ibid., p. 125.

снаряжения, отряд Тупак Амару с триумфом вернулся в Тунгасуку. Победа над правительственными войсками вдохнула новые силы в ряды восставших.

24 ноября в Лиму из объятых паникой Куско примчался гонец с вестью о разгроме роялистских сил. Генеральный визитадор Арече вызвался лично возглавить операцию по «усмирению и успокоению» страны. Куско стал готовиться к осаде. Епископ Моско пошел на чрезвычайную меру: «предатель, подлый индеец, незаконно именуемый себя Тупак Амару», был предан анафеме и отлучен от церкви. Эта «божья кара» распространялась на всех его сторонников. Теперь все мосты были сожжены. Уже ни для кого не оставалось секретом, что человек, посягнувший на устои колониального общества, не может рассчитывать на покровительство «августейшего» монарха. Прикрываться именем Карла III стало бессмысленным. Многие индейцы и метисы, напуганные угрозой расправы со стороны властей, начали покидать повстанческий лагерь.

В этих условиях Тупак Амару несколько меняет тактику. Продолжая в своих воззваниях клясться в верности испанскому королю и католической церкви, он выдвигает обширную программу социальных реформ, которые не только обещает, но и в революционном порядке осуществляет на практике. При этом он обращается в первую очередь к индейцам, метисам, неграм, мулатам — ко всем эксплуатируемым в колониальном обществе. Однако многие пункты его программы были близки и креолам — испанцам, родившимся в Перу. В отличие от испанской знати, приехавшей из Испании и составлявшей привилегированную верхушку, креолы представляли новую земельную и денежную аристократию, разбогатевшую на плантационном хозяйстве, торговых операциях и добыче драгоценных металлов. Среди креолов были также мелкие землевладельцы, чиновники, военные, низшее духовенство. Обладая номинально равными правами с уроженцами метрополии, креолы практически подвергались дискриминации, третировались чистокровными испанцами и не допускались к высшим должностям (так, из 745 вице-королей, генерал-капитанов и правителей в Испанской Америке за весь колониальный период только 18 были креолами)²⁸. При всем том, что между угнетенными сословиями колониального Перу существовали противоречия, их объединяла общая ненависть к испанскому колониальному режиму: жестокая политическая и экономическая дискриминация и бесправие вызывали возмущение и протест крестьян, ремесленников и городской бедноты, землевладельцев, купцов, владельцев мануфактур, низшего клира.

По мнению аргентинского историка Б. Левина, в Перу к концу колониального периода сложилось «два революционных течения — креольское и индейское, хотя в каждом из них были представители этих двух слоев колониального общества... Эти революционные движения временами переплетались, временами развивались параллельно, но в конечном счете оба включались в непреклонную борьбу с испанским режимом»²⁹. Однако справедливость требует отдать пальму первенства индейским массам. С момента появления испанских конкистадоров и в продолжении последующих двух столетий перуанские индейцы неоднократно поднимались на вооруженную борьбу с угнетателями.

В 1739 г. в г. Оруро был раскрыт разветвленный заговор, в подготовке которого приняли участие касики Горного и Прибрежного Перу. Его возглавил знатный касик Белес де Кордова, потомок инкской династии. В составленном им «Манифесте» он призвал «креолов, касиков и всех индейцев протянуть ему руку помощи, чтобы этим героическим делом освободить родину, избавив ее от тирании». «Моя единственная цель — восстановить Великую империю и монархию наших древних королей»³⁰. Через три года вице-королевство всколыхнула новая весть — знатный индеец Хуан Сантос, окончивший иезуитский колледж в Куско и побывавший в Испании, принял имя инки Атауальпы, казненного конкистадорами, и поднял восстание в горах Чинча к северо-востоку от Лимы. Основанная им республика просуществовала вплоть до 1761 г. Все это время столица жила под угрозой военных нападений. В лагере Хуана Сантоса были не

²⁸ Ph. Means. The Fall of the Inca Empire and the Spanish Rule in Peru. 1530—1780. New York, 1932, p. 209.

²⁹ B. Lewin. La supuesta participación jesuítica en la rebelión de Túpac Amaru. Cochabamba, 1948, p. 15.

³⁰ B. Lewin. Los movimientos..., p. 104.

только индейцы, но и креолы, метисы и негры, сам он собирался короноваться инкой³¹. В 1750 г. в самой Лиме был подготовлен индейский заговор. Планировалось одновременное восстание всех окрестных провинций. Индейские вожди призывали освободить вице-королевство от господства испанцев и предполагали предоставить свободу всем неграм-рабам, чтобы привлечь их на сторону восставших. Очевидно, Тупак Амару был хорошо осведомлен о своих предшественниках. В выдвинутой им программе он продолжил лучшие традиции индейского движения и внес в него много нового.

Политические лозунги Тупак Амару имели гораздо больший резонанс, чем его военные успехи. После битвы при Сангарара восемь провинций встали под знамена восставшего индейского вождя. Все свои усилия он направил на уничтожение прогнившей административной системы, ее местного, но очень важного звена — корректоров, «нарушавших Законы Индий, угнетавших бедных индейцев и не выполнявших указы его величества испанского короля». Везде, где бы ни появлялись его отряды, он уничтожал наиболее ненавистные институты — миту, обрахе, алькабалу, десятину, бывшие непосредственной наиболее понятной индейской массе причиной ее бедственного положения. Тупак Амару предлагал также реформу административного управления в интересах коренных жителей; во главе каждой провинции он хотел поставить алькальдов, которые избирались бы из числа самих индейцев и служили за умеренное жалованье; он был также сторонником создания в Куско аудиенсии с вице-королем во главе, чтобы тем самым «облегчить индейцам доступ в нее»³²; последнее предложение отвечало также и насущным потребностям креольской прослойки, мечтавшей прибрать к рукам управление страной: ведь до сих пор все большие и малые дела вершились в Лиме.

Характерно, что, если первые свои обращения Кондорканки подписывал «Хосе Габриэль Тупак Амару», после 18 ноября 1780 г. в подписях появилась новая нотка: «Дон Хосе Габриэль Тупак Амару, индеец королевской крови инков и главного рода, Инка». За этим уточнением стояло многое, в частности моральное обоснование предпринятых им революционных акций. Однако в отличие от своих предшественников в Перу и в других колониальных владениях Испании Тупак Амару не призывал к реставрации доколумбовых институтов и традиций. Как правильно подметил американский историк Дж. Кублер, «коллективная философия восставших индейцев не выходила за рамки испанских институтов»³³. Тупак Амару был среди тех немногих индейских вождей, которые поняли, что возвращение к прошлому не имело исторической перспективы и разрыв с белым человеком и принесенной им цивилизацией уже невозможен.

Отличительной чертой политической программы Тупак Амару было полное отсутствие расовых предубеждений; будучи индейским вождем, он тем не менее обращался ко всем угнетенным индейцам и метисам, мулатам и креолам, им была предпринята попытка создать широкий антиколониальный фронт против угнетателей. В воззвании к жителям провинции Карабая от 15 декабря 1780 г. он писал: «Как друг моих соотечественников, счел я удобным и необходимым известить и, в случае необходимости, приказать вам не повиноваться и не оказывать помощь судьям вашей провинции. Неделей позже: «Меры, которые я принял, имеют целью поддержку, защиту и охрану (интересов. — *С. С.*) испанцев-креолов, метисов, самбо (потомки от брака индеанки и негра. — *С. С.*) и индейцев и их благополучие, потому что все мы земляки и соотечественники, поскольку родились на наших землях и все произошли от единого корня, от «*naturales*» — туземцев»³⁴. Наконец, что еще более знаменательно, за 8 лет до Великой французской буржуазной революции, за 30 лет до начала войны за независимость Испанской Америки Тупак Амару обратился к африканским рабам и призывал их к совместной борьбе против угнетателей, пообещав им освобождение от рабства³⁵ в первые же дни восстания.

³¹ Ibid., p. 106.

³² Ibid., p. 127.

³³ G. K u b l e r. The Great Revolt of Tupac Amaru. — L. H a n k e. History of Latin American Civilization, vol. I. Boston, 1967, p. 473.

³⁴ M. de O d r i o z o l a. Op. cit., p. 121.

³⁵ J. C o r n e j o B o u r o n c l e. Op. cit., p. 182.

Однако необходимо отметить, что Туapak Амару приходилось использовать свой немалый авторитет, чтобы заставить сподвижников следовать этой политике. Он шел наперекор всем, пытаясь смягчить веками накопившуюся ненависть индейцев и метисов ко всему испанскому: не секрет, что многие индейские повстанцы готовы были уничтожить всех, «в ком текла испанская кровь»; они не останавливались перед массовым террором по отношению к испанцам и креолам.

К 25 ноября 1780 г. в распоряжении Туapak Амару было «60 тыс. индейцев, помимо креолов и людей из других провинций»³⁶, как писал он в одном из обращений. Пока в Куско терялись в догадках по поводу ближайших планов восставших, Туapak Амару принял решение отправиться на юг и юго-восток страны и поднять против испанцев жителей нагорной области Кольясуйо. В то же время его сводный брат Диего двинулся на другую сторону р. Вилькамайю, чтобы отрезать Куско с севера, со стороны крепости Саксауаман. 7 декабря Туapak Амару пересек границу между вице-королевствами Перу и Ла-Плата и вышел к озеру Титикака. В воззваниях к освобожденным провинциям он называл себя «освободителем королевства» и писал, что его первая задача — «восстановить привилегии, предоставленные Индиям католическими королями». По пути он смещал коррехидоров, назначал на их место своих людей, установил смертную казнь за воровство, пьянство и ложь. Жители многих городов и селений восторженно встречали его отряды; коррехидоры, местная знать и роялистская милиция бежали в панике. Всего за время южного похода под знамена Туapak Амару встали 24 провинции. Численность его армии выросла до 90 тыс. человек³⁷.

Однако хоть и велики были успехи индейского вождя, долгое его отсутствие вызвало нараставшую тревогу у тех, кто остался в провинции Тинта. Обоснованные сомнения в необходимости южной кампании высказала прежде всего жена Туapak Амару — Микаэла Бастидас, достойная соратница и помощница мужа. По отзывам современников, она ни умом, ни храбростью не уступала Туapak Амару, а в дальновидности и проницательности не раз превосходила его. Микаэла не только сочувствовала всем освободительным планам своего мужа, но и была вдохновительницей многих его начинаний. У этой замечательной женщины был темперамент бойца. Не будучи уверена в том, что у Кондорканки хватит мужества повесить Арриагу, она принесла к месту казни мушкет под плащом, чтобы если уж не с помощью петли, так пулей совершить справедливое возмездие.

Оставшись заместителем Туapak Амару в штаб-квартире восстания — провинции Тинта, она вела огромную работу: поддерживала быструю и налаженную связь с авангардом, уходившим все южнее, не раз спасала его от засады, снабжала оружием, продовольствием, деньгами, закрывала церкви, бывшие центрами роялистской пропаганды, вела энергичную переписку с восставшими провинциями севера, призывая местных вождей покончить с «положением собак, на которое нас обрекли». Донья Микаэла настаивала на том, чтобы сразу же после разгрома правительственной армии при Сангарара повстанцы двинулись на осаду Куско, обьятого паникой и растерянностью. Позднейшие биографы и исследователи безоговорочно приняли сторону жены Туapak Амару, считая, что тот совершил роковую ошибку, когда на месяц отложил осаду этой колониальной цитадели.

Все время, пока Туapak Амару триумфально шествовал по южной части страны, Микаэла настойчиво убеждала его вернуться. В своих письмах она приводила разные доводы: «Я в отчаянии — ты упускаешь прекрасную возможность»; «даешь нашим главным врагам в Куско время подготовиться к отпору... чтобы они вооружились и разорвали нас на куски»; «тратишь в мелких стычках деньги и средства, которых будет недоставать в решающий момент»; «погубишь всех людей, собранных для взятия Куско»³⁸. 10 декабря она прислала последнее решающее письмо мужу; по данным разведки, из Куско направляются три колонны карательных войск, чтобы, пользуясь его длительным отсутствием, взять приступом Тинту; письмо заканчивалось тревожным: «Поторопись». Не дойдя до г. Пуно, на западном берегу о. Титикака, Туapak Амару дает приказ о возвращении. 17 декабря он прибыл в Тинту.

³⁶ B. L e w i n. La insurrección..., p. 42. Вероятно, эта цифра преувеличена.

³⁷ D. V a l c á r c e l. Op. cit., p. 72.

³⁸ Ibid., p. 70—71.

Между тем обстановка в стране накалилась до предела. 12 декабря по распоряжению вице-короля Хауреги во всех городах был опубликован указ, в котором Тупак Амару был лишен звания (титула) кураки, он объявлялся также врагом католической церкви, мятежником, который обманным путем привлек людей на свою сторону. Вице-король обещал прощение всем, кто покинет повстанческий стан. Однако самое главное он приберет под конец: в указе торжественно провозглашалось, что уничтожается институт репарто во всех без исключения провинциях вице-королевства, что отныне все коррехидоры переводятся на твердое жалование и что в случае, если они попытаются вести незаконную торговлю, они будут сурово наказаны.

Тем не менее эта вынужденная полумера — знак того, как напуганы были колониальные власти, не могла уже ни притушить страсти, ни остановить движение. Буря нарастала. Волнения перекидываются к границам провинции Кито. Вынесенный революционными потрясениями на самую авансцену политической борьбы, Тупак Амару становится в глазах угнетенных сословий не просто индейским повстанцем. В письме одного из его сторонников его называют «отцом всех бедных, униженных и притесненных»³⁹.

Оставив часть войск в тылу, Тупак Амару двумя колоннами двинулся на север. В них насчитывалось 40 тыс. солдат. Однако только тысяча из них была вооружена огнестрельным оружием, остальные же, главным образом индейцы и метисы, традиционными пиками, боевыми дубинками, пращами. В Типте были срочно построены литейные мастерские, где испанские пленные спешно делали шпаги, мачете, пушки. Тяжело давалась воинская дисциплина; нелегко было обучить владеть огнестрельным оружием забитых, невежественных крестьян.

28 декабря армия Тупак Амару появилась в окрестностях Куско. Он не произвел немедленной атаки на город, а первоначально перерезал все коммуникации и начал артиллерийский обстрел с целью не столько принести разрушения вражеским позициям, сколько произвести психологический эффект. Между тем в Куско прибыла первая помощь из далекой Лимы, присланная вице-королем. Небольшой отряд в 200 человек предал этот путь за 35 дней.

Тупак Амару медлил, очевидно не переставая надеяться на то, что его друзья и сторонники сдадут город без боя. Такое предложение было сделано им жителям Куско еще 12 декабря. В письме, направленном епископу Москосо, он писал, что главным своим делом считает «уничтожить обременительную должность чиновников, называемых коррехидорами, получающих чрезмерные доходы благодаря введению таможенных и других налогов, угрожающих убогим хижинам верных вассалов моего народа и взимающих их с неумолимостью второго Писарро... Ожидая, что кто-нибудь другой или другие сбросят иго этого фараона, я поднял голос в защиту всего королевства, чтобы положить конец великим притеснениям, грабежам, убийствам и другим тяжким оскорблениям и невиданному поруганию. Для чего направил я посланцев... чтобы в полном порядке мне сдали город и не заставляли бы меня брать его силой, так как тогда предам его огню и пролью кровь»⁴⁰.

3 января 1781 г. Тупак Амару направил в Куско капитана Бернардо де ла Мадрида и двух священников для ведения переговоров. С ними он передал ультиматум: если жители города не сдадутся, он начнет осаду и убьет всех, кроме монахов, женщин и беззащитных людей. Тупак Амару утверждал также, что он желает оставить испанскому королю власть над его владениями и что, как только его планы осуществятся, он удалится на покой. Аналогичное письмо было послано шесть дней спустя. Показательно, что, горячо стремясь к мирному разрешению конфликта, Тупак Амару всячески убеждал креолов и метисов Куско в том, что он активно защищает их интересы и отстаивает общее дело.

Он ждал, он надеялся, он уверен был в том, что в городе вспыхнет восстание. Может быть, поэтому он так затянул южную кампанию, что верил — Куско перейдет на его сторону. Однако ответа он так и не дождался. Есть основания полагать, что Тупак Амару был предан и обманут в самый решающий час. Очевидно, существовала тайная договоренность с влиятельными людьми Куско о том, что в нуж-

³⁹ Ibid., p. 87.

⁴⁰ M. de Odrizola. Op. cit., p. 125—126.

ный момент они поддержат его борьбу. В противном случае трудно объяснить ту настойчивость, с которой индейский вождь взывал к разуму и совести своих неверных союзников, так же как и неожиданное его поведение при осаде Куско. После 10 дней упорных боев, которые продолжались с переменным успехом, повстанческая армия, более чем в три раза превышавшая число защитников города, снялась с занятых позиций и покинула окрестные холмы к немалому удивлению осажденных. Епископ Москосо писал впоследствии: «До сих пор непонятна причина, почему он не решился войти в город с такой мощной армией: достаточно было 1/4 части его войск, чтобы смешать наши малые силы, отступление повстанцев было не иначе, как чудом»⁴¹.

Среди причин, принудивших Туapak Амару снять осаду города, упоминаются дезертирство в повстанческих рядах, крупная военная помощь осажденным — отряд в 7 тыс. человек, прибывший с 8 на 9 января, и, вероятно, самое главное — ожесточенность и массовость сопротивления, оказанного ему защитниками Куско: солдаты и священники, индейцы и креолы готовились к отпору, не желая впускать повстанцев в город. Он был готов воевать против Куско испанцев, против Куско коррехидоров и «чапетонес», сражаться же с креолами, метисами и индейцами означало крах всего замысла. Может быть, впервые он ясно осознал, что остался в одиночестве. Активная роялистская пропаганда, страх перед правительственной расправой, недоверие к планам и целям восстания среди креолов, отсутствие единства среди индейских вождей — все это привело к тому, что широкий антиколониальный фронт, за который так страстно ратовал Туapak Амару, оказался трудно осуществимым делом. Очевидно, время для него еще не настало. Самое же трагическое заключалось в том, что единства не было среди индейских правителей, многие из них, находясь в колониальной администрации, изменили интересам индейцев и приняли сторону королевской власти.

Пригрозив вернуться в Куско с еще более мощной армией, Туapak Амару отошел на юг, где он чувствовал себя хозяином. Колониальные чиновники жаловались, что на всем протяжении от Куско до Оруро не осталось ни одного испанца.

⁴¹ J. Cornéjo Bouroncle. Op. cit., p. 203—204.

Окончание следует